

Сегодня мне рассказали о том, как вечером после работы, посидев с приятелями, клоун Муслия остался ночевать в цирке. Он забрел на конюшню, открыл клетку, где сидел 3-аменистый лев Эдера Цезарь, и зашел в нее. Утром перепуганные служанки обнаружили спящего Муслию рядом с Цезарем. Прибежал на конюшню сам Эдер.

— Подымись спокойно, — шептал дрессировщик проснувшегося клоуна, — без резких движений, спокойно выходи.

Муслия так и сделал, как ни в чем не бывало вышел из клетки.

(Из тетрадки в клеточку. Июль 1951 года.)

Странные судьбы бывают у артистов цирка. Мало в каких книгах, рассказывающих о цирке, об искусстве клоунады, упоминается клоун Сергеев. Но кого из старых, опытных артистов ни спросите о нем, тут же воскликнут:

— А-а-а!.. Сергеев. Муслия! Это — гений. Таких больше нет.

Помню, еще в студии клоунады кто-то из нас спросил у Буше:

— Александр Борисович, а кто, на ваш взгляд, самый лучший коверный?

— Ну, Карандаша я не беру, — ответил после некоторого раздумья Буше, — он не в счет. А вот Серго — это да!

Во время учебы мы слышали много знаменитых фамилий: Альперов, Антонов и Бартев, Кокко, братья Лавровы, Демаш и Мозель, Эйжен. А вот о Серго — впервые.

— Если увидите Серго в работе, — добавил Буше, — поймете, что он великий коверный.

Буше мы верили. Уж кто-кто, а он знал цирк.

И действительно, когда в Калинин я увидел клоуна Алексея Сергеева, по афише — Серго, я убедился: Буше был прав.

Почему все в цирке звали его Муслия? Долго я не мог допытаться.

А потом кто-то из старых артистов объяснил мне:

— Да все очень просто. Серго обращался ко всем по-французски, только говорил не мусью, а муслию.

И верно, он и ко мне подходил в цирке и говорил:

— Слушай, муслиюшка, каким номером идешь?

До сих пор клоун Серго стоит перед моими глазами — тихий, незаметный человек, удивительно скромный.

Небольшого роста, коренастый, рыжеватые, чуть выбившиеся из-под кепки вьющиеся волосы, добрые голубые глаза. Красивый, но красотой негромкой, чисто русской. Выглядел чуть старше своих тридцати пяти лет.

В быту Муслия говорил отрывисто, высоким голосом, и иногда с трудом можно было разобрать, что он хочет сказать. А на манеже обходился почти без текста.

На манеж он выходил в сдвинутой немного на затылок обыкновенной зеленой фетровой шляпе, в потрепанном темно-зеленом пиджаке, в широких коричневых штанах на лямках, в слегка утрированных ботинках с загнутыми вверх носами. Подкрашенные брови, чуть подмазанные губы, как он говорил, для свежести — вот и весь грим. За одеждой своей он не следил. Добрые костюмерши входили в его никогда не закрывающуюся гардеробную и сами забирали рубашки в стирку.

Основное в его работе — обыгрывание простых предметов. Метла, стул, грабли, тросточка, тачка, на которой увозят ковер. Иногда он использовал реквизит, с которым только что на манеже работали артисты. Отличный акробат. Прекрасно стоял на руках, делал поразительные каскады. Самое удивительное: что бы клоун ни показывал, все выглядело на манеже смешно и одновременно трогательно. Люди смеялись, а сердце могло сжиматься от грусти.

У Мусли, как говорится, все от бога. Он мог выйти на манеж, взять первый попавшийся предмет — мяч, стул, метлу, булаву — и так все начать обыгрывать, что зал хохотал до колик. Он обладал великим даром импровизатора. Сохраняя способность воспринимать все, как ребенок, он умел по-настоящему радоваться на манеже и заражал этой радостью других.

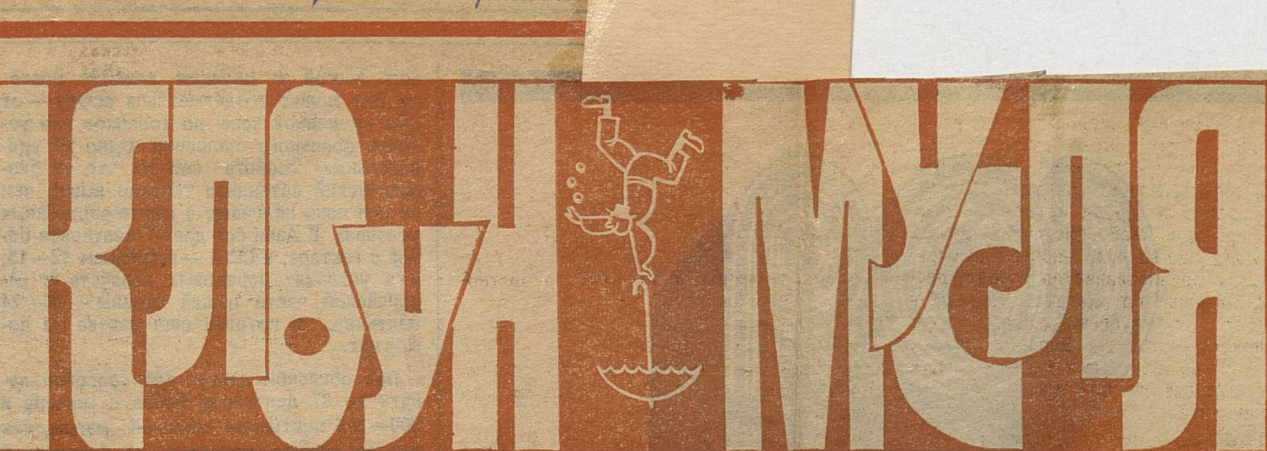
У Мусли получался образ — думаю, это выходило у него подсознательно — не удачника, который за все берется, но ничего у него не получается. Образ неожидаемый, напоминающий маску Чарли Чаплина.

Только Муслия мог исполнять, казалось бы, пустяковую, примитивную репризу, которую он нежно называл «Пальчик».

Муслия выводил за руку на середину манежа инспектора и, отойдя от него на

Отрывок из книги «Почти серьезно».

«Лесной», 1976 27 см, №39

Юрий НИКУЛИН,
народный артист СССР

Рисунок
А. Соколова

несколько шагов, вытягивая вперед руку, указательным пальцем манил инспектора к себе. Тот подходил вплотную к клоуну, а палец продолжал двигаться. Инспектор некоторое время стоял, глядя на этот двигающийся палец, а потом как бы в раздражении ударял клоуна по руке. Но палец продолжал его манить к себе. Тут уже пугался сам Муслия.

Он прятал руку в карман, становился на палец ногой, а палец все равно продолжал двигаться. Наконец Муслия клал неукротимый палец на барьер и бил по нему молотком. От боли клоун подпрыгивал и быстро клал палец в рот. Палец двигался во рту, отчего щеки у Муслия смешно тряслись. Когда палец извлекался изо рта, кто-то из униформистов подавал клоуну пилу-пожовку. Муслия подносил ножовку к пальцу, и вдруг палец, как бы испугавшись, замирал. Облегченно вздохнув, сияющий клоун уходил с манежа, и вдруг около самого выхода па-

вовалоось, что клоун еще не знает, как и чем займет паузу. Другой бы растерялся, замесался по манежу, смутился, а Муслия нет. Ему все нипочем. Он оглядывал манеж и замечал — чистая импровизация, — что запутался трос у униформистов. Тогда он стремглав бежал помогать распутывать трос, но делал это так, что трос запутывался окончательно. Униформисты ругали его (по настоящему, между прочим), а публика смеялась. Когда же трос все-таки распутывался и униформисты уходили с манежа, Муслия, улыбаясь всем, под аплодисменты, удивленный, словно не понимая, почему аплодируют, покидал арену.

Отлично проходила у клоуна реприза со шляпой. Будто бы за что-то обидевшись на инспектора, Муслия, сжав кулаки, грозно наступал на него, сердясь, снимал с себя пиджак и кидал его на манеж. А потом срывал с головы шляпу и бросал ее на ковер.

лец снова оживал, Муслия с отчаянным криком, отбросив ножовку, убежал за кулисы.

Пустяк, примитив — двигается палец, а клоун пугается. Но как делал это Муслия! Я каждый раз смотрел «Пальчик», смеялся вместе со зрителями и верил, что палец Муслия сошел с ума.

Некоторые коверные пытались скопировать эту репризу. Ничего у них не получалось. Это было органично только для Мусли, маленького, лохматого, наивного, смешного, странного человека.

К сожалению, я застал Муслию, когда он сходил с манежа. Но и то, что я видел, поражаало. Настолько поражаало, что каждый раз я, как почти и все артисты, занятые в программе Калининского цирка, отработав свой номер, спешил в боковой проход посмотреть его репризы.

Когда ему кричали: «Алеша, пауза!», он летел к своему ящику, стоящему за кулисами, буквально нырял в него (виделись одни торчащие ноги), после небольшого ворошения вытаскивал первый попавшийся предмет — пистолет, бутылку, фанерную гирю, ножик — и выбегал на манеж.

А иногда он просто выходил, смотрел чуть-чуть растерянно, улыбался — чувст-

В тот момент, когда шляпа касалась ковра, ударник в оркестре бил в барабан. Услышав громкий звук, пораженный Муслия поднимал шляпу и снова бросал ее на ковер. Новое раздавался удар в барабан. С удивлением и одновременно со страхом Муслия осторожно поднимал шляпу и внимательно ее рассматривал. Раздавалась короткая барабанная дробь — шляпа, будто живое существо, трепыхалась в руках клоуна. Бросив ее, Муслия в ужасе убежал и прятался за барьер.

Через несколько секунд, чуть успокоившись, он подкрадывался к шляпе и осторожно дотрагивался до нее палькой. Снова — короткий удар барабана. Испуганный Муслия, дрожа от страха, отбегал в сторону. Но любопытство брало свое. Накрывшись с головой пиджаком, он осторожно подползал к шляпе. Просунув руку через рукав пиджака, поднимал ее. На лице отражалась внутренняя борьба — бросить шляпу еще раз или нет? Наконец он решался. Только замахивался рукой, а в оркестре раньше времени ударили в барабан. И тут клоун понимал — его разыгрывают. Он успокаивался, грозил пальцем барабанщику и, спокойно надев шляпу, веселый, под аплодисменты публики покидал манеж.

Репризу у Мусли мало, да и реквизит небольшой. Лишь один упаковочный ящик стоял в гримборной. В этом ящике все навалено — реквизит, костюмы, личные вещи. Но репертуар у Мусли разнообразный — каждый день он показывал какие-нибудь импровизации.

Очень мне нравилась в его исполнении реприза со стулом. Выходил Муслия с венским стулом и пытается сесть на него. А у стула отваливается ножка, и клоун падает. Муслия пытается починить стул. Вставляет одну ножку — отваливается другая, и так несколько раз подряд. Муслия реагирует на это с таким огорчением, с такой неподдельной детской серьезностью и так трогательно смотрит на сломанный стул, держа в руках ножки, что зал начинает хохотать. А Муслия все быстрее и быстрее пытается чинить стул. И все в убыстренном ритме, под нескончаемый хохот зала. Наконец стул починен. Клоун садится на него, а стул со взрывом разлетается на мелкие кусочки.

Муслия точно умел выбирать человека из публики, с которым разыгрывал целую пьесу. Он внимательно разглядывал зал, и вдруг его внимание привлекал какой-нибудь человек в первом ряду. Он подходил ближе, внимательно смотрел на него и будто бы о чем-то договаривался. Бывало, что выбранному человеку он симпатизировал и так на него долго смотрел, делал такие жесты, что все понимали: клоуну нравится этот зритель или зрительница (зрительницы были чаще).

И каждый раз, выходя на ту или иную репризу, он начинал с того, что смотрел в сторону своего нового партнера из публики, с которым у него завязывались свои личные отношения, развивающиеся от репризы к репризе.

Много раз я видел репризу «Здесь курить нельзя». Реприза проверенная и, как мы говорим в цирке, проходная. Десятки коверных исполняют ее. Но лучше всех «Здесь курить нельзя» делал Муслия.

Содержание репризы несложное: коверный закуривает, а инспектор отбирает у него горящую папироску. Клоун достает другие горящие папироски — из кармана, шляпы ботинка и даже у кого-нибудь из публики. Достает и курит. А инспектор снова отбирает.

Но как это делал Муслия! Как удивительно он передразнивал походку инспектора; как искренне обижался, что у него отбирают папироску; как мучительно думал, где же достать следующую; как радовался, когда находил выход из положения; как наслаждался, делая затычку.

Многие репризы для себя Муслия придумывал самостоятельно. Некоторые коверные заимствовали у него репертуар и выдавали за свой. Когда Муслия узнавал об этом, он не обижался, не сердился. Он просто придумывал новое. А ведь придуманные репризы он мог отвести в Управление авторских прав, получить право на исполнение и, в случае если этот репертуар будут исполнять другие, получать за это гонорар. Нет, Муслия и не думал об этом. Он просто работал.

Странный клоун Муслия. Удивительный, непонятный, незаурядный человек, он мог бы стать лучшим клоуном страны, а может, и мира. Но его словно не заботил собственный успех. А может быть, действительно не заботил?

Муслия всегда так строил репризы, что зрители не могли догадаться, как эта реприза пойдет, какой следующий шаг сделает клоун, что он собирается показать, чем удивить. Муслия всегда чуть-чуть «обманивал публику».

Так, например, он выходил со скрипкой и стулом, и публика, помня предыдущую репризу со стулом, который взрывался, ожидала, что и со скрипкой произойдет то же самое. А он на скрипке — просто играл. Играл прекрасно.

— Ты понимаешь, муслиюшка, — говорил он мне как-то, — я нот не знаю. Не знаю! Но сыграть могу что хочешь. Зачем ноты? Нужно просто чувствовать душу музыки.

И бывало, к Муслие подходили артисты и просили поиграть. И он играл. С удовольствием. Играл печальные мелодии, играл веселые.

В связи с этим вспоминается несколько странный, но действительно происшедший с ним эпизод.

Муслия гастролировал в одном из городов Сибири. Первый раз в этот город на гастроли приехал знаменитый скрипач, лауреат союзных и международных конкурсов, музыкант с длинным перечнем имен и званий. И он поселился в гостинице. По воле случая номер скрипача оказался по соседству с тем, который занимал Муслия.

Утром знаменитый музыкант, трудолюбивый и точный человек, три часа играл на скрипке, репетируя новое сложное произведение. А вечером (концерт гастролера намечался через три дня), чтобы развеяться, решил пойти в цирк. Его как почетного гостя, конечно же, усадили в первом ряду.

Смотрит он программу, вежливо аплодирует после каждого номера, улыбаясь, а порой и хохочет репризам Мусли. И вдруг!..

На манеж на очередную репризу вышел Муслия со своей старенькой, разбитой скрипочкой и исполнил три коротенькие музыкальные импровизации. Зрители слушали затаив дыхание — он играл мастерски. Но самым удивительным для скрипача-гастролера оказалось то, что он услышал фрагменты произведения, ноты которого имели только два человека в стране — он сам и композитор, написавший это произведение специально для музыканта.

Скрипач кинулся тут же за кулисы к клоуну и спросил у него с удивлением:

— Где вы взяли эту вещь?

— А я сегодня утром, — ответил простодушно Муслия, — в гостинице услышал. Кто-то рядом играл. Мне мотивчик понравился, я и запомнил его.

— Это невероятно. Запомнить со слуха и сыграть эту вещь! Невероятно! Нет, я должен с вами поближе познакомиться. Я приглашаю вас вместе поужинать.

После представления в цирке знаменитый скрипач в модном костюме шел в ресторан с маленьким человеком, одетым скорее бедно, чем скромно.

Три дня после этого Муслия отсутствовал в цирке. Первый концерт скрипача в городе тоже пришлось отменить. Никто не мог найти ни клоуна, ни скрипача. Потом выяснилось, что они три дня играли друг другу на скрипке и никого не пускали к себе в номер, не отвечали на телефонные звонки. Когда играл Муслия — плакал скрипач, когда играл скрипач — плакал Муслия.

Слабовольный человек Муслия. Любил выпить. Это его просто губило. Работал в одной программе с ним посредственный клоун — музыкальный эксцентрик, плохой человек. Иногда выступал коверным. Придя в цирк и видя, что Муслия трезвый, он ставил ему стакан водки, после чего тот хмелел и не мог работать. Тогда Муслию заменял этот бездарный артист. К сожалению, Муслия не умел отказывать. Он считал, что предлагающему выпить нельзя отказать. Этим можно обидеть человека. В его судьбе, как мне кажется, есть что-то общее с судьбой артиста Петра Алейникова...

Добрый человек Муслия. Помню, он подарил нам с Мишей несколько трюков, открыл секрет, как из кармана вынуть горящую свечку. Научил нас, как доставать изо рта бесчисленное количество яиц. Дал рецепт получения газа для надувания воздушных шаров, чтобы они летали.

Я заметил, что прежде, чем выйти на публику, Муслие требовалось некоторое время, чтобы сосредоточиться и подготовиться. Иногда этот момент заставлял его прямо на манеже, и тогда он, не обращая внимания на публику, обретал это состояние в зрительном зале.

Я никогда не видел Муслию с кем-нибудь ссорящимся или сердитым. Нет, когда его ругали, он все выслушивал, приговаривая при этом бесконечно одну и ту же фразу:

— Муслиюшка, ну не надо, не ругайте. Муслиюшка, ну не надо, не ругайте. Муслиюшка, ну не надо...

Бывали у меня моменты, что я обижался на Муслию. После того как он срывал представление, я утром подходил к нему и говорил с укором:

— Что ж это ты, Муслия?

А он, виновато опустив глаза и теребя руками полы пиджака, отвечал с печальной улыбкой:

— Муслиюшка, ну не надо. Я не хотел. Муслиюшка, не ругай меня, не надо.

Клоун Муслия. В Цирковой энциклопедии о нем помещено восемь строк:

«Серго (настоящая фамилия и имя — Сергеев Алексей Иванович) (р. 1915 г.) — коверный клоун. В 1926 году начал творческую деятельность в Воронежском любительском цирке как акробат и вольтижер на рамке... с 1933 года — коверный клоун. С. — клоун широкого диапазона, мимист, обладал талантом импровизатора, был автором своих реприз, играл на музыкальных инструментах, работал во мн. цирковых жанрах. Расцвет его творчества приходится на 30—40 гг.»